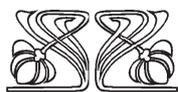
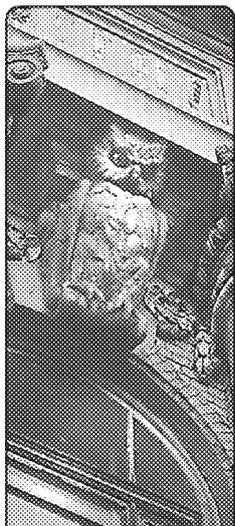
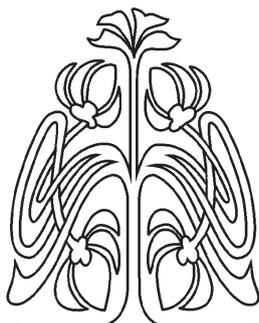
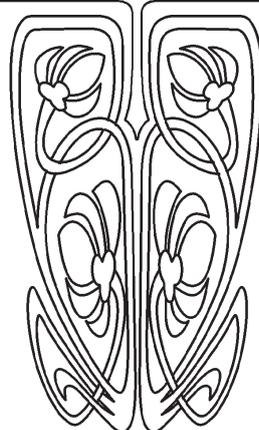

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 364–369
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 364–369
<https://bonjour.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-4-364-369>
EDN: FEGWDN

Научная статья
УДК 821.111(410.5).09-1+929[Линдсей+ИаковV]

Притворная перебранка Дэвида Линдсея

К. Р. Ибрагимова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Ибрагимова Карина Рашитовна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры истории зарубежной литературы, agitato72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9639-3261>

Аннотация. В статье исследуется своеобразие «Ответа на королевскую перебранку» шотландского поэта Дэвида Линдсея (ок. 1490 – ок. 1555). Это сочинение является единственной сохранившейся частью поэтического диалога между шотландским королём Иаковом V и его наставником и придворным. Оно встраивается в традицию шотландских придворных перебранок, которая закладывается предположительно в конце XV в. и анализируется в статье на примере «Перебранки Данбара и Кеннеди», предположительно первого произведения, написанного в этом жанре. Однако, в отличие от вышеупомянутой перебранки, где противники равны по положению, поэтическое соревнование между королём и его подданным вынуждает соперников балансировать между хулой и хвалой. Так, ответ Линдсея с формальной точки зрения полностью соответствует традиции хулигельной поэзии: он использует значительное количество оскорблений, сравнивая противника с животными, касается «низкой» темы любовного бессилия. Однако большая часть оскорблений направлена говорящим не на венценосного соперника, а на себя. Как и в «Перебранке Данбара и Кеннеди», главной целью поэтического спора становится выявление лучшего поэта, но если равные противники ставят на это место себя, то Линдсей уступает его королю. Необходимое условие перебранки – нападки на соперника — Линдсей использует в качестве возможности наставления правителю, обращает упреки в советы. Таким образом, обнаруживается, что, несмотря на соблюдение формальных признаков поэтической перебранки, «Ответ на королевскую перебранку» скорее имитирует этот жанр, а не полностью соответствует его характеристикам.

Ключевые слова: Дэвид Линдсей, Иаков V, перебранка, хулигельная поэзия, шотландские чосерианцы

Для цитирования: Ибрагимова К. Р. Притворная перебранка Дэвида Линдсея // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 364–369. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-4-364-369>, EDN: FEGWDN

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

David Lindsay's fictive flying

K. R. Ibragimova

Lomonosov Moscow State University, GSP-1 Leninskiye Gory, Moscow 119991, Russia

Karina R. Ibragimova, agitato72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9639-3261>

Abstract. The article examines the specifics of *The Answer to the King's Flying* written by the Scottish poet David Lindsay (c. 1490 – c. 1555). This work is the only extant part of the poetic dialogue

between the Scottish king James V and his mentor and courtier. It follows the tradition of Scottish court flyting, which traces back to the end of the 15th century and is analyzed in the article on the example of *The Flyting of Dunbar and Kennedy* which is supposedly the first work written in this genre. However, unlike the aforementioned flyting, where the opponents are equal in position, the poetic competition between the king and his subject forces the rivals to balance between abuse and praise. Thus, Lindsay's answer is formally in line with the tradition of abuse poetry: the poet uses a significant amount of insults, comparing his opponent with animals, and touches on the "low" theme of impotence. However, most of the speaker's insults are directed not at the crowned rival, but at himself. As in *The Flyting of Dunbar and Kennedy*, the main goal of a poetic dispute is to identify the best poet, but if equal opponents put themselves in this place, then Lindsay yields to his king. Lindsay uses attacks on the opponent, which are necessary for flyting, not to abuse but to instruct the ruler; the poet turns reproaches into advice. Thus, it turns out that, despite the formal signs of a poetic flyting, *The Answer to the King's Flyting* does not completely belong to the genre but imitates it.

Keywords: David Lindsay, James V, flyting, abuse poetry, Scottish Chaucerians

For citation: Ibragimova K. R. David Lindsay's fictive flyting. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 364–369 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-4-364-369>, EDN: FEGWDN

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В XIV–XVI вв. шотландская придворная поэзия переживает небывалый расцвет. Шотландские поэты этого времени пишут преимущественно на английском, а не на гэльском языке, стремясь подражать Джеффри Чосеру (Geoffrey Chaucer, 1340–1400). Чосер становится их ориентиром в отношении не только избираемого языка, но и стиля: используя «золотые слова» (aureate words) [1, p. 170], т.е. слова с латинскими корнями, нарочито усложнённый синтаксис, шотландские придворные поэты именуют себя «чосерианцами». К чосерианцам, в частности, принадлежал и король Иаков I Шотландский (1394–1437), одним из первых задавший моду на куртуазную поэзию в качестве развлечения светского общества. При его преемниках роль искусств, учёности и хороших манер возросла ещё больше: особенно славился этим двор короля Иакова IV (1473–1513), где были приняты самые разнообразные увеселения: так, к примеру, помимо балов и охоты король устраивал костюмированные представления и турниры, изображавшие сражения в галантном духе [2, p. 158].

Впрочем, двор интересовали не только поединки на мечах, но и словесные баталии, поскольку именно этим временем датируется самая ранняя из сохранившихся шотландских придворных поэтических перебранок – «Перебранка Данбара и Кеннеди» (Flyting of Dunbar and Kennedy, 1507). Не располагая документальными свидетельствами о том, как проводились эти поэтические сражения, мы можем восстановить некоторые их правила, опираясь на их тексты. Если судить по «Перебранке Данбара и Кеннеди», то вербальный поединок должен был начинаться с вызова на него: «...каждый из оппонентов упоминает о "комиссаре" (commissar) – секунданте, ответственном за передачу вызова на состязание в искусстве вербальной хулы» [3, с. 193]. После принятия вызова начиналось соревнование, где каждый из участников под видом диалога

с соперником произносил обращённый к нему монолог. Вероятнее всего, противники ещё до публичного выступления имели возможность изучить стихотворную речь другого – первоначально тексты перебранок носили письменный характер и только потом исполнялись перед публикой [4, с. 112]. Темой речей соревнующихся поэтов было восхваление собственного поэтического мастерства и принижение соперника: инвектива строилась на противопоставлении двух противников, где характеристика одного автоматически означала обратную характеристику другого.

Мы не знаем в точности, была ли «Перебранка Данбара и Кеннеди» первой в ряду шотландских придворных перебранок, однако она определённо сыграла свою роль в развитии этого жанра. Именно данный текст почти век спустя будут использовать в качестве примера поэты-противники Александр Монтгомери (Alexander Montgomerie, 1545–1615) и сэр Патрик Хьюм Полварт (Sir Patrick Hume of Polwart, ок. 1550–1609) в своей перебранке (Flyting betwixt Montgomerie and Polwart, ок. 1583–1598). К ней же очевидным образом обращается и наследник Иакова IV король Иаков V (1512–1542), решая попробовать себя в искусстве хулы и бросая вызов своему придворному поэту, советнику и бывшему наставнику сэру Дэвиду Линдсею (Sir David Lyndsay, ок. 1490 – ок. 1555).

Перебранка короля Иакова V и сэра Дэвида Линдсея становится особым случаем в традиции шотландской придворной перебранки. Необычность этого словесного поединка заключается как в том, что противником Линдсея оказывается сам король Шотландии, так и в том, что часть, авторство которой принадлежит последнему, не сохранилась. Иными словами, главное отличие перебранки Линдсея от «Перебранки Данбара и Кеннеди» и «Перебранки Монтгомери и Полварта» – отсутствие первой половины текста (точнее,

вызова на поединок: речь Линдсея является ответом на него). Это ставит нас в затруднительное положение, так как перебранка – жанр диалогический, однако невозможность проследить этот диалог, казалось бы, обращает его в свою противоположность: речь Линдсея выглядит как монолог или послание королю.

Однако по ответу Линдсея можно попытаться примерно восстановить содержание королевской речи и некоторые особенности этой перебранки. Так, думается, что по объёму она уступала двум вышеупомянутым перебранкам – ответ Линдсея составляет всего 70 строк (ср. с «Перебранкой Данбара и Кеннеди», насчитывающей 552 строки и «Перебранкой Монтгомери и Полварта», в которую входят 797 строк). Несомненно, есть вероятность, что Линдсей сознательно делает свою речь краткой, чтобы дать королю возможность проявить себя в состязании и уступить монарху победу (а также, возможно, чтобы не позволить себе выразить лишнее). Однако соперники могли также ориентироваться на признанный образец – «Перебранку Данбара и Кеннеди», где речи соперников были почти одинаковыми по объёму, что создавало определённую гармонию. Думается также, что ответ Линдсея был заключительным фрагментом этой перебранки, за которым не последовало дальнейших «раундов» (как это было и будет в других перебранках) – предлагалось не серьёзное поэтическое состязание, но придворная забава.

Кроме того, неизвестно, исполнялась ли перебранка короля и Линдсея перед аудиторией. Отвечая своему венценосному противнику, Линдсей пишет, что прочёл его послание («Redoytit гоу, your ragment I have red» (1)¹ [5, р. 98]), однако затем он упоминает дам, которые «глядят на письма короля» («Lustie ladyis, that on your libellis lukis» (8) [5, р. 98]). Вряд ли это означает, что копии стихов короля передавались при дворе из рук в руки: вероятнее, что глаголы письма Линдсей использует метафорически. Подобный приём уже был знаком жанру перебранки: так, на полвека ранее Данбар в своей соревновательной поэтической речи угрожает заставить даже дьяволов дрожать, когда они *услышат*, что он *пишет* пером и чернилами («And all the divillis of Hell for redour quaik, / To heir quhat I suld wrut with pen and ynk» (11–12) [6, р. 452]), а значит, Иаков V мог не только прислать Линдсею свою оскорбительную речь, но и прочесть её ему при свидетелях.

¹ Здесь и далее при цитировании в скобках курсивом указываются номера строк.

Иаков V бросает вызов своему бывшему наставнику (эту должность Линдсей занимал до 1524 г. [7, р. 20]) в 1536 г.: в это время королю было около двадцати пяти лет, Линдсей же был почти вдвое старше. Он продолжал играть значительную роль при дворе и имел вес в королевском совете: к 1530 г. ему было пожаловано звание королевского герольда, а позднее, в 1542 г., – звание рыцаря [8, р. 248]. То, что Иаков V уважал Линдсея и прислушивался к его советам, не стало препятствием к тому, чтобы обратиться к нему своей оскорбительной речью: напротив, Линдсей обретал некую привилегию сразиться на словесной дуэли с самим монархом.

Краткость ответа Линдсея позволяет ему охватить всего одну тему, которая, вероятно, и была заявлена Иаковом – это тема плотской любви. Те дамы, которые, по словам Линдсея, читали (или слышали) написанное королём, теперь отказывают Линдсею в своём обществе, ведь тот больше не способен развлечь или воспеть их:

Lustie Ladyis, that on your libellis lukis,
My cumpanie dois hald abhominable,
Commandand me beir cumpanie to the cukis.
Moist lyke ane Deuill, thay hald me detestable;
Thay banis me, sayand I am nocht able
Thame to compleis, or preis to thare presance;
Apon your pen I cry ane loud vengeance!

(8–14) [5, р. 98]

(Прекрасные дамы, что видели Ваши письма, / Теперь избегают моего общества, / Велят мне отправляться к поварам. / Они находят меня отвратительным, словно дьявол, / Они прогоняют меня, говоря, что я не способен / Доставить им удовольствие или воспеть их; / Я клянусь, что отомщу Вашему перу!).

На основании этих строк можно сделать вывод, что король в своей речи упрекает Линдсея в поэтическом и любовном бессилии. На последнее указывает также то, что сам поэт говорит о том, что изгнан со двора Венеры («...from Venus court dejectit» (7) [5, р. 98]). Подтверждаются и другие королевские упрёки: Линдсей не осмеливается назвать себя поэтом в присутствии своего повелителя. «Будь я поэтом, – говорит он, – я бы попытался пером отомстить за оскорбления» («Wer I ane poeit, I suld preis with my pen / To wreik me on your vennemous writing» (15–16) [5, р. 98]).

Итак, мы видим, что в перебранку возвращается тоpos смирения, характерный для поэтов того времени, однако необычный в случае этого жанра, где основной целью становится доказать своё превосходство над соперником. В речи Линдсей неоднократно упоминает о своей мало-

образованности, ничтожности и т.д., тем самым подтверждая предполагаемые обвинения короля. Этот несвойственный перебранке приём может быть связан лишь с разницей в статусе участников перебранки, где реальный образ соперника имеет больший вес, чем его же фиктивный образ, создаваемый в речи противника.

Так, Линдсей подчёркивает, что участвует в перебранке лишь по приказу короля, в противном случае он не осмелился бы на подобную дерзость. Возникает парадоксальная ситуация: подчинённое положение придворного поэта не позволяет ему спорить с королём, но именно поэтому он вынужден вступить с ним в спор, пусть и в игровой форме. Несмотря на то, что Линдсей не избегает упреков и оскорблений в адрес противника в своей речи, он всегда обращается к королю с подчёркнутым почтением. В этом отношении характерны образы животных, с которыми Линдсей сравнивает то себя, то короля: себе он отводит роль спрятавшегося в норе испуганного пса («Bot I man do as dog dois in his den» (17) [5, р. 98]), Иаков же уподобляется могучим и величественным животным, часто встречающимся в аллегорической поэзии и геральдических изображениях, связанных с идеей королевской власти. Это и тигр, который неожиданно возникает здесь в связи с ораторским искусством: Линдсей сокрушается, что ему, в отличие от короля, не дан столь же «тигриный язык» («tyggeris toung» (4) [5, р. 98]) – думается, что здесь имеется в виду смелость и одновременно с этим красота выражений, и слон, который восхваляется за физическую силу и выносливость («Thocht ye be now strang lyke ane elephant» (25) [5, р. 99]). Даже упрекая короля в чрезмерной любвеобильности, Линдсей избирает животных, которые в средневековом сознании связывались с этим пороком, однако имели ряд положительных характеристик: Иаков становится и «неугомонным бараном» («restles ram» (36), и «ревущим быком» («boisteous bull» (47) [5, р. 99]).

Однако перебранка как поэтический поединок в первую очередь связана с выявлением лучшего поэта, поэтому Линдсей выдвигает и другие причины, по которым он подчиняется Иакову и считает себя недостойным соперничать с ним. В нашем случае это поэтический талант короля и его мастерское владение словом. Думается, что Линдсей несколько преувеличивает дарование Иакова, однако к этому его вынуждает ситуация, в которой он оказывается в этой перебранке. Возникает характерная для перебранки тема предопределённого исхода ещё до начала поединка, некой «предварительной иерархии»

[4, р. 113], где соперники уверены в том, кто какое место занимает. Но если в словесной дуэли между равными по статусу противниками каждый стремится утвердить за собой место безусловного победителя, высмеивая аналогичные попытки оппонента, то в нашем случае это место безоговорочно принадлежит тому, кто занимает высшее положение в обществе.

Мы очень мало знаем о том, какое в действительности положение занимал король Иаков V в поэтических кругах, однако о том, как воспринималось королевское творчество в ту эпоху в Шотландии, можно судить по отношению к трудам его внука Иакова VI. Так, Кевин Шарп отмечает, что «он [король Иаков VI] был частью аристократической политической культуры, которая отличалась от политической культуры позднеелизаветинской Англии тем, что ставила монарха не на место “объекта восхищения и поклонения”, а скорее на место “первого среди равных”» [9, р. 6.]. Будучи членом «Кастальской группы» (Castalian band), шотландского поэтического объединения, существовавшего в 1580-х и 1590-х гг., король, однако, не являлся её лидером и обращался с поэтами своего круга почти на равных, выказывая им свою дружбу и не отказывая в поддержке – не случайно обращением, принятым в их среде, было «братья» (brethren) [10, р. 253]. Впрочем, интерес к искусству и участие в придворных поэтических забавах давали монарху не только пищу для творческих исканий, но и возможность контролировать сферу культуры: он «всегда знал, что его подданные пишут о нём» [11, р. 1], и мог конструировать свой образ в соответствии с этим. Возможно, что Иаков V, хоть и не интересовавшийся поэзией в такой же мере, как его внук, в этом отношении вёл себя схожим образом.

Как бы то ни было, Линдсей обращается к своему венценосному противнику как к великому поэту, чьё дарование много превышает поэтическое мастерство не только Линдсея, но и всех остальных поэтов этого времени. Он сокрушается, что именно ему с его «темным разумом» («dull intedement» (2) [5, р. 98]) суждено стать мишенью для королевского красноречия, об избавлении от которого он безуспешно молит Бога («From your flyting, wald God that I wer fred!» (3) [5, р. 98]). Мощь поэзии Иакова якобы так сильна, что сам дьявол был бы вынужден отказаться от дальнейшей борьбы: как из-за меткости оскорблений, так и из-за силы стихотворных строк («The mekle Devil may nocht indure your dyting» (19) [5, р. 98]). В тексте появляется цитата из пятидесятого псалма Вульгаты «Cor

mundum crea in me», уже использованная однажды в «Перебранке Данбара и Кеннеди», но у Линдсея возникающая в новом, «перевернутом», контексте: если Кеннеди предсказывает Данбару, что тот, побеждённый, будет молить о пощаде, то здесь о пощаде заранее молит сам адресант, сдаваясь на милость победителя, который носит не только титул короля Шотландии, но и звание «принца поэзии» («Quharefor, “Cor mundum crea in me!” I cry, / Proclamand yow, the prince of poetry» (20–21) [5, p. 98]).

В своей речи Линдсей дарует Иакову ещё один высокий титул, которого обыкновенно удостоивались уже покинувшие мир великие поэты – он называет его «цветом красноречия» («flowand rethorik the flour» (70) [5, p. 100]). Этот образ обыкновенно использовался в куртуазной поэзии (так, Уильям Данбар в поэме «Золотой щит» (The Goldyn Targe, ок. 1507) называет Чосера «почтенным Чосером, розой всей риторике» («O reverend Chaucere, rose of rethoris all!» (253) [6, p. 327]), однако затем перешёл и в перебранки, где в соответствии с «топосом смирения наоборот» стал применимым и в качестве самопрезентации (так, в «Перебранке Данбара и Кеннеди» последний насмехается над Данбаром из-за того, что тот посмел соревноваться с ним, «розой риторике» («Rymis thou of me, of rethory the rose?» (500) [6, p. 469]), возможно, пародируя его же собственную строку). Именно из-за того, что король в своём поэтическом мастерстве подобен лучшим поэтам прошлого, Линдсей завершает перебранку заверениями в том, что он не может больше сражаться, ведь ему никогда не сравняться с богато украшенными строками Иакова («Now, schir, farweill, because I can nocht flyte. / And thocht I could, I wer nocht tyll avance / Aganis your ornate meter to indyte» (64–66) [5, p. 100]).

Всё же Линдсею, согласно традиции жанра, необходимо противопоставить свои аргументы оскорблениям короля. Как уже было упомянуто, в качестве темы для своих упрёков он избирает любвеобильность и неразборчивость в связях, присущие Иакову. Он обличает любовное неистовство короля, осмеливаясь называть его «грубым негодяем» («rude rubeatour» (48) [5, p. 99]), «неистовым блудником» («furing fornicatiour» (49) [5, p. 99]). Король, по словам Линдсея, не гнушается и продажными женщинами, чем роняет своё достоинство («On ladronis for to loip ye wull nocht lat» (50) [5, p. 100]), становится подобным уже не царственным животным, а свинье, валяющейся в грязи («swetterand lyke twa swyne» (58) [5, p. 100]).

Однако все эти обвинения, которые в перебранках между равными соперниками выглядели бы как оскорбления и служили бы доказательствами низости противника, его недостойности быть частью общества, у Линдсея звучат иначе. Обвиняя, Линдсей создаёт лишь видимость оскорбления, уделяя гораздо большее внимание попыткам указать королю на его ошибки. Речь Линдсея напоминает скорее поучение, в котором он выказывает искреннюю заботу о своём монархе и ученике, нежели насмешку.

Так, упрёк в необузданных любовных аппетитах у Линдсея тесно связывается с идеей будущего бессилия, которое может ожидать короля, если тот не изменит своим привычкам. Как и его предшественники в жанре перебранки, Линдсей рисует картину мрачного будущего для своего противника, однако подчёркивает, что не желает такого исхода. Поэт вновь нарушает законы ведения перебранки, где себя принято исключительно восхвалять, и приводит в пример собственное состояние здоровья, на которое, как мы узнаём, указывает Иаков в своей несохранившейся речи. Линдсей, соглашаясь со своим противником, признаётся, что действительно «потерпел поражение в делах Венеры» («I am failyeit / In Venus werkis» (29–30) [5, p. 99]). Казалось бы, здесь поэт обращает чужой аргумент себе во вред, но это даёт ему возможность развить свою мысль дальше: он упоминает о том, что и в его жизни были лучшие годы, за которые он благодарен небесам, однако всему приходит конец, и для Иакова этот конец может наступить раньше, чем тот желал бы. Король должен благодарить Бога за то, что тот уберёт его от болезней, сопутствующих любовным приключениям, утверждает Линдсей, в этой части своей речи словно вновь становясь наставником для своего бывшего подопечного («On your behalf, I thank God tymes ten score / That yow preservit from gut and frome grandgore (62–63) [5, p. 100]).

Линдсей не только выражает свою обеспокоенность здоровьем короля, но и, возможно, делает тонкий намёк на близкую свадьбу того с принцессой Мадлен Французской (Madeleine de France, 1520–1537), которая состоялась в 1537 г. До этого он гневно обрушивается на Совет короля, который достоин ада за то, что никак не может подобрать тому достойную супругу («I give your counsale to the feynd of hell, / That wald nocht of ane princes yow provide» (43–44) [5, p. 99]), что подчёркивает невиновность короля в его поведении: ему просто достались дурные советники, что не могли вовремя указать тому

верный путь. Он завуалированно напоминает о невесте Иакова, называя её «дамой, что любит Вас более всех» («the lady that luffit yow best» (57) [5, p. 100]), а также сравнивает её со щитом, что может сдерживать королевские порывы («Sum sayis thare cummis ane bukler furth of France / Quhilk wyll indure your dintis, thocht thay be doug» (68–69) [5, p. 100]). На этом Линдсей, исполнивший свой долг перед государем, который он в первую очередь видел не только в повиновении, но и в необходимости давать монарху добрые советы [8, p. 249.], ещё раз склоняется перед монархом, называя того «цветом красноречия», и перебранка завершается.

Подводя итоги, мы видим, что перебранка Линдсея лишь притворяется перебранкой, по большей части не следуя традициям жанра, а лишь имитируя их. Ответ Линдсея, которому приходится балансировать между упрёком и почтительностью, маскируется под оскорбление, но на самом деле относится скорее к жанру поучения, выполненного в куртуазной манере. Почти отсутствует самопрезентация поэта как великого творца – это звание здесь достаётся королю: Линдсей подчёркивает своё подчинённое положение; возникает некий искажённый топос смирения (здесь он – зеркальное отражение самовосхваления традиционной перебранки, которое, в свою очередь, есть не что иное, как перевёрнутый топос смирения). В перебранке Линдсея отсутствует и тесная связь между адресатом и адресантом, где характеристика, которую получает один из участников, подразумевает характеристику другого с обратным знаком. Разумеется, в речи Линдсея присутствует противопоставление оппонентов, но упоминаются и некие черты, объединяющие их, что невозможно в поэтической дуэли.

Обманчивое впечатление, убеждающее читателей в том, что это истинная перебранка, создаёт лексика, которую использует Линдсей: она, несомненно, отсылает к традиции перебранок, наполненных оскорбительными словами наподобие «ядовитый» (*vennemos*), «негодяй» (*gubeatour*), кроме того, сама тема похоти и любовного бессилия выглядит двусмысленной и подходит лишь для низкого жанра. В перебранке присутствует и одно обвинение, которое можно воспринять всерьёз, однако оно не относится к королю: Линдсей действительно стремился оскорбить королевский Совет своим упрёком.

Любопытно, что образ адресанта, который создаёт Линдсей, – немолодого поэта, находящегося в подчинённом положении по отношению к своему оппоненту и повелителю, лишённого радостей любви и склоняющегося перед «золотыми словесами» противника – это именно тот образ соперника, который в обычной перебранке соревнующиеся поэты рисуют себе в мечтах. В непростой ситуации, в которую поставлен Линдсей, адресат и адресант традиционной перебранки вынуждены поменяться местами, а сам текст утрачивает почти все черты, присущие этому жанру. Таким образом, поэт выполняет задачу, которая стоит перед ним, ориентируясь не на отношения, которые задаёт текстовая реальность, а на реально существующие социальные отношения между собой и соперником, и это формирует иной тип текста, написанного в жанре перебранки.

Список литературы

1. Fox D. The Scottish Chaucerians // Chaucer and Chaucerians: Critical Studies in Middle English Literature / ed. by D. S. Brewer. London : Thomas Nelson and Sons, 1966. P. 164–200.
2. Princes and Princely Culture: 1450–1650 / ed. by M. Gosman, A. MacDonald, A. Vanderjagt. Leiden : Brill, 2003. 357 p.
3. Матюшина И. Г. Перебранка в древнегерманской словесности. М. : РГГУ, 2011. 304 с.
4. Ибрагимова К. Р. Образ поэта в «Перебранке Данбара и Кеннеди» // Stephanos. 2020. № 1 (39). С. 111–117. <https://doi.org/10.24249/2309-9917-2020-39-1-111-117>, EDN: NJYVTW
5. Lyndsay D. Sir David Lyndsay: Selected Poems / ed. by J. H. Williams. Glasgow : University of Glasgow, 2001. 348 p.
6. Dunba W. William Dunbar: The Complete Works / ed. by J. Conlee. Kalamazoo, Michigan : Medieval Institute Publications, 2004. 488 p.
7. Edington C. Court and Culture in Renaissance Scotland: Sir David Lindsay of the Mount. Amherst : University of Massachusetts Press, 1994. 275 p.
8. The Cambridge History of Medieval English Literature / ed. by D. Wallace. Cambridge : Cambridge University Press, 1999. 1043 p.
9. Sharpe K. Image Wars: Promoting Kings and Commonwealths in England, 1603–1660. New Haven : Yale University Press, 2010. 512 p.
10. Bawcutt P. James VI's Castalian Band: A Modern Myth // Scottish Historical Review. 2001. № 80. P. 251–259.
11. Rickard J. Writing the Monarch in Jacobean England. Cambridge : Cambridge University Press, 2015. 284 p.

Поступила в редакцию 30.01.2023; одобрена после рецензирования 17.04.2023; принята к публикации 30.06.2023
The article was submitted 30.01.2023; approved after reviewing 17.04.2023; accepted for publication 30.06.2023